

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»



На правах рукописи

Яо Цзясюй

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ СМИ 1990-х–2020-х гг.)**

Специальность 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Екатеринбург – 2023

Работа выполнена на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Вепрева Ирина Трофимовна

Официальные оппоненты: **Иссерс Оксана Сергеевна**, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», и. о. заведующего кафедрой теоретической и прикладной лингвистики
Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения (г. Челябинск)
Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (г. Екатеринбург)

Защита состоится «22» июня 2023 года в «11-00» часов на заседании диссертационного совета УрФУ 5.9.07.19 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, ком. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?id=12&rid=4665>

Автореферат разослан «__» мая 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
доцент



Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено анализу аксиологического потенциала политической концептуальной метафоры.

Политическая деятельность – одна из важнейших социокультурных сфер общественной жизни страны – обычно получает в публицистическом дискурсе эксплицитные оценки этического характера. Одним из языковых средств выражения оценки являются метафоры, среди которых особое место занимает конвенционально закреплённая в языке оценочная метафорическая конструкция *политика – это грязь* с ярко выраженным пейоративным аксиологическим компонентом.

Переносное значение лексемы *грязь* – ‘безнравственность, бесчестность в личных или общественных отношениях’ – носит конвенциональный характер и закреплёно в лексикографических источниках. Истоки образного значения категорий *грязи* / *чистоты* заложены в истории культуры. Исследователи связывают их с космологическими учениями ранних греческих философов. Тексты Ветхого и Нового Завета также указывают на сакральность понятия «чистый» в значении «святой», связанного со своей противоположностью – «нечистым».

Актуальность диссертационной работы обусловлена социально-политическими факторами. В современных условиях при радикальной трансформации российского социума важной является опора на базовые ценности и традиционные моральные основы. Проблема морально-нравственного осмысления социально-политических процессов в России и в мире активно обсуждается в средствах массовой информации. Актуальными являются проблемы взаимодействия политики и морали.

Требование моральной чистоты политической деятельности и безнравственного поведения политиков в реальной действительности – вечная проблема и общее место в риторике политического дискурса. Истоки осмысления вопросов взаимосвязи морали и политики связывают с итальянским мыслителем Никколо Макиавелли и его работой «Государь» (1532 г.). Макиавелли выступал за сильную государственную власть, считая высшей моральной ценностью патриотизм, и допускал применение любых оправдательных средств для сохранения и укрепления государства. Макиавеллиевский лозунг «Цель оправдывает средства» носит амбивалентный характер. С одной стороны, характерной чертой политических приемов, которые предлагал Макиавелли сильным мира сего, был призыв к подчинению средств целям, отделению политики от нравственности. С другой стороны, Макиавелли движет искреннее желание подготовить лучшее будущее своему отечеству, его преданность общему благу.

Индивидуальная и государственная мораль могут расходиться. Политика ориентируется на могущество и силовые методы, и государственные цели могут иметь приоритет перед правами человека. Политика не исключает нравственность, но не может целиком и полностью определяться ею. Это связано с тем, что моральные ценности имеют абстрактную природу и мораль исходит из определённых идеалов, тогда как политика всегда носит ситуативный характер и исходит из конкретных интересов социальных групп. Поэтому противоречие между ценностями морали и целями политики является одновременно условием их сосуществования и столкновения.

СМИ по своей природе являются публичной сферой и играют ключевую роль в формировании политической культуры. Журналисты, выступая как посредники между властью и народом, «являются своеобразными ‘агентами влияния’, способствующими формированию общественного мнения»¹. СМИ, среди прочих функций, выполняют функцию морального ориентирования и считают своей обязанностью указать на то зло, которое проистекает из безнравственного отношения к общественному делу.

¹ Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 25.

Аксиологическая составляющая данной метафоры определяется проблемой выявления критериев нравственности в политике. Обсуждение интересов индивида и социума осуществляется с помощью апелляции к моральным ценностям, которые начинают конкретизироваться в ценностях общего блага и интересов отдельного человека.

Степень разработанности проблемы. Изучение метафоры многоаспектно и связано как с философским осмыслением метафоричности мышления (Ортега-и-Гассет 1990; Гегель 1972; Кассирер 1990; Мамардашвили 2002; Ницше 1912; Рикер 1990; Ричардс 1990), так и с лингвистическим подходом, четко разделившим метафору как предмет стилистики и лексикологии (Арутюнова 1990, 1999; Гак 1972, 1988; Скляревская 1993; Телия 1977) и как предмет когнитивной лингвистики. Когнитивный разворот в исследовании метафоры обусловлен активизацией антропоцентрической парадигмы в языке во второй половине XX в., «экспансионизмом» (Кубрякова 1995) современной лингвистики. Общим местом в когнитивных работах является ссылка на классическое исследование Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» (Lakoff, Johnson 1980), благодаря которому концептуальная метафора приобрела научную легитимность как способ познания объективной действительности. Современных когнитологов (Баранов 2003а, 2003б; Баранов, Караулов 1994; Будаев 2007; Болдырев 2004, 2014, 2018; Демьянков 1995; Заботкина 2019; Кибрик 2015; Кубрякова 1997; 1999; Резанова 2003; Попова, Стернин 2007; Чудинов 2001; Ху Чжуанлинь 2004; Шу Динфан 2009) объединяет понимание метафоры как ментальной операции, как инструмента мышления в осмыслении сложных абстрактных понятий в разных областях жизни общества – в политике, экономике, культуре, науке.

Метафора – это способ категоризации, концептуализации и объяснения мироустройства. Познавательная деятельность человеческого мышления тесно связана с ценностным отношением индивида к осмысляемым фактам действительности. Процесс концептуализации действительности сопровождается стремлением языковой личности к характеристике и оценке явлений окружающего мира, см.: (Аксенова 2014; Арутюнова 1982; Ахренова 2021; Болдырев 2008, 2012; Ван 2021; Вепрева 2019; Вэнь 2019; Иоанесян 2020; Красильникова 2005; Кузнецова 2019; Малышева 2016; Радбиль 2015; Чистякова 2015).

Сфера политической деятельности получает наиболее полное научное отражение в исследовании политической метафоры как на российской почве, так и в зарубежной лингвистике. В целом можно выделить два пути изучения политической метафоры. Первый путь связан с инвентаризацией политических метафор по сфере области-источника. В работах прослеживается стремление к полноте и тщательности описания концептуальных структур, многие работы представляют собой диссертационные исследования сопоставительного плана, см.: (Вершинина 2002; Зарипов 2015; Керимов 2005; Кропотухина 2011; Мингалеева 2018; Ольховикова 2009; Сальникова 2013 и др.). Второй путь – выявление прагматического потенциала политической метафоры, которая становится инструментом манипуляции общественным сознанием. При изучении политической метафоры этот путь исследования достаточно продуктивен, см.: (Пескова 2006; Погребняк 2019; Празян 2011; Ряпосова 2002; Селиванова 2019; Храброва 2010; Цзэн 2021 и др.). Многоаспектные подходы к анализу метафоры описаны в целой серии полновесных аналитических обзоров Э.В. Будаева и А.П. Чудинова, посвященных российской и зарубежной политической метафорологии, характеристике основных этапов развития этой отрасли науки (Будаев, Чудинов 2007; 2012; 2013; 2017; 2018; 2020а). Ученые отмечают синтез достижений когнитивной лингвистики и дискурсивного анализа (когнитивно-дискурсивный подход), который стал ведущим направлением в российской политической метафорологии. Активизировалась тенденция к преодолению строгого разграничения когнитивного и риторического направлений в исследовании метафоры.

Объектом исследования является политическая концептуальная метафора, представленная в текстах современной российской прессы и реализуемая в виде метафорического выражения *политика – это грязь*.

Предмет исследования – языковые средства и система метафорических моделей, манифестирующих базовую концептуальную метафору.

Цель исследования – представить концептуальную метафору *политика – это грязь* в аспекте ее структурной организации, аксиологического потенциала и моделирующих возможностей в русской языковой картине мира.

Достижение поставленной цели позволяет решить ряд конкретных **задач**:

- определить роль метафоры в политическом дискурсе;
- охарактеризовать теоретические основы структурной организации концептуальной метафоры;
- провести анализ концептуальной метафоры *политика – это грязь* с точки зрения фреймо-слотовой организации области-источника и области-мишени, установив характер связей между ними;
- выявить смысловое и оценочное развертывание базовой метафорической модели *политика – это грязь* на основе когнитивного признака отклонения от нормы, охарактеризовать языковые средства репрезентации метафорического материала.

Реализация целевой установки вызывает необходимость поэтапного решения групп задач. В соответствии с конкретным этапом исследования уточняются его объект и предмет.

На первом этапе исследования с опорой на корпус собранных метафорических высказываний из современных СМИ проводится качественный анализ концептуальной метафоры *политика – это грязь*, включающий все этапы построения метафорической модели: моделирование области-источника и области-мишени на основе фреймовой семантики; установление межфреймовых связей между ними.

В задачу исследования входит выявление на основе анализа сочетаемостных свойств существительного *грязь* и его контекстных сопроводителей сущностных признаков концепта, участвующих в метафорическом моделировании политической сферы.

На втором этапе исследования проводится анализ корпуса метафорических высказываний, связанных с исследуемой метафорой базовым, лежащим в основе понятия *грязь*, когнитивным признаком отклонения от нормы. Анализ проводится методом кластеризации метафорического материала, во-первых, на основе: а) синонимических связей; б) метонимических отношений; в) тематической родо-видовой однородности; во-вторых, на основе ассоциативной когнитивной смежности.

В задачу исследования входит выявление языковой репрезентации выделенных кластеров, установление концептуально-семантической и аксиологической преемственности с базовой метафорой *политика – это грязь*.

Материал и его источники. Эмпирической базой исследования являются контексты, собранные с использованием электронной базы данных Интегрум (Integrum.ru), которая содержит 3544 источника русскоязычных СМИ. Хронологические рамки выборки – с 90-х годов XX века по 20-е годы XXI века. Корпус собранных текстов составляет свыше двух тысяч метафорических высказываний. **Единицей анализа** является текстовый фрагмент разного объема.

Методология исследования обусловлена поставленными в диссертации целью и задачами. В диссертационном исследовании используется метод комплексного лингвистического анализа, включающий приемы наблюдения, классификации и интерпретации языковых фактов. Метод дефиниционного анализа семантики единиц, входящих в состав метафорических моделей, сочетался в работе с методами корпусной лингвистики, которые используют количественные методики, учитывающие частотные характеристики исследуемых единиц.

В работе использован метод концептуально-метафорического анализа, основанный на некоем предположении о частичном воспроизведении структуры источника в структуре цели. Это метод, который опирается на понятие семантического потенциала слова, позволяющего прогнозировать, что можно извлечь из исходного значения слова и связанной с ним ситуации и на что (какие новые ситуации) можно распространить знак. При построении метафорической модели главным приемом, подчиняющим себе все остальные, является анализ сочетаемости языковых единиц, репрезентирующих область-источник. Когнитивный подход к сочетаемости базируется на том, что сочетаемость отражает существенные характеристики, связанные с образами конкретных предметов в естественном языке.

Степень достоверности результатов исследования определяется репрезентативностью изученного языкового материала, комплексом методов анализа, адекватных целям, задачам и рассматриваемому объекту, опорой на авторитетные теоретические источники.

Научная новизна настоящей работы заключается в том, что в рамках лингвоаксиологического подхода последовательно и целенаправленно исследуется оценочная составляющая концептуальной метафоры *политика – это грязь*; изучены ее основные компоненты, охарактеризована система фреймов и слотов; в процессе исследования концептуально-семантической преемственности метафоры *политика – это грязь* выделены и описаны кластеры «Отходы человеческой жизнедеятельности», «Мусор», «Локусы мусора и отходов жизнедеятельности человека», «Бестиарий как составляющая грязи и мусора».

Теоретическая значимость диссертационной работы обусловлена возможностью использования ее результатов в работах по лингвокультурологии, лингвистической аксиологии, в междисциплинарных исследованиях. В работе апробирована методика кластеризации метафорического материала, которая может быть применена к другим метафорическим полям с аналогичными характеристиками. Анализ метафорических моделей с ценностной составляющей представляет собой очередной этап решения проблемы последовательной инвентаризации фонда ценностно нагруженных метафорических моделей, используемых в современной политической речи.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования полученных результатов в лексикографической практике (при подготовке словаря политических метафор); в практике вузовского преподавания русского языка и риторики, в разработке спецкурсов и спецсеминаров по лингвоаксиологии. Отдельные положения и выводы, содержащиеся в данной работе, могут быть полезны сотрудникам СМИ и авторам политических текстов.

Положения, выносимые на защиту

1. Концептуальная метафора *политика – это грязь* построена на эмпирически постигаемых признаках и явлениях неживой природы, которые языковое сообщество использует для морально-этического оценивания объектов политической сферы.

2. Анализ сочетаемости существительного *грязь*, репрезентирующего область-источник когнитивной метафоры *политика – это грязь*, выявил смысловые характеристики, которые играют важную роль при их перенесении в область мишени. Специфический признак грязи в политическом дискурсе – *трудность очищения* – важен для конструирования оппозиции *чистота – грязь*, где *грязь* определяется как когнитивное отклонение от нормы. Система перцептивных характеристик, выделенная в концептуальной сфере области-источника метафоры *политика – это грязь*, является языковым триггером, провоцирующим приращение отрицательно оценочных семантических компонентов. Фреймо-слотовая структура донорской базы включает 3 фрейма: *Консистенция грязи*; *Перцептивная характеристика грязи*; *Специфические свойства грязи*.

3. Сущностные признаки концепта *грязь*, объединенные в три фрейма, легли в основу морально-этической оценки деятельности политических акторов области-мишени. Выделенные два фрейма *Процессы речевого взаимодействия* и *Характеристика политической деятельности* метафорически характеризуют негативные ситуации сферы политики: через образы покрытия грязью – получение негативной и лживой информации из некачественных источников, очерняющей честь и достоинство политического реципиента и превращающей его в аморальную личность; через интерпретацию грязи как объемного вместилища – пребывание в неблагоприятной политической среде, безнравственное и нечестное поведение политических акторов в общественных отношениях.

4. Исходный образ грязи лежит в основе кластеризации других образных средств вокруг базовой концептуальной модели. Кластеризация метафорического материала на основе синонимических связей расширила объем номинаций, закрепленных за концептуальной метафорой *политика – это грязь*, и интенсифицировала ее аксиологический модус. Кластер на основе метонимического сдвига образуется совокупностью перцептивных прилагательных, атрибутивов концепта *грязь*, которые напрямую оценивают область-мишень (*черная / мутная / вонючая / затхлая / вязкая / ядовитая политика*).

5. Кластеры «Отходы человеческой жизнедеятельности» и «Мусор», выделенные на основе тематической родо-видовой однородности метафорического материала, находятся в прямой концептуально-семантической и аксиологической преемственности с базовой метафорой. Регулярная реализация аксиологического потенциала лексических заполнителей кластеров добавляет к оценке морально-нравственных деструктивных изменений политической действительности деформацию профессионально-деловых качеств политических акторов.

Ядерные когнитивные смыслы выделенных кластеров вербализуются синонимически-градуальными группами лексем. Структурная организация кластера «Мусор» имеет иерархическую организацию; лексические репрезентанты видовых разновидностей мусора объединены в группы по признакам темпоральности, технологических остатков, предметно-бытовых и виртуальных отходов.

6. Кластеры «Локусы мусора и отходов жизнедеятельности человека» и «Бестиарий как составляющая грязи и мусора», выделенные на основе ассоциативной когнитивной смежности, расширяют круг сегментов базовой метафорической модели *грязи* в политическом дискурсе. Бестиарий демонстрирует расчеловечивание политического мира путем приписывания политикам зооморфных черт.

7. Концептуальная метафора *политика – это грязь* является точкой отсчета, относительно которой отмеряются другие концептуальные кластеры, объединенные семантической категорией когнитивного отклонения от нормы. Семантическое согласование выделенных кластеров говорит о когнитивной проницаемости границ между взаимодействующими при метафоризации концептуальными областями. В результате концептуального сопряжения ментальных пространств образуется новое интегрированное пространство с открытым рядом новых компонентов.

Апробация результатов исследования. Материалы и результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УГИ Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Материалы по теме диссертации были представлены на четвертом международном молодежном конвенте «Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации» (Екатеринбург, 2020); XXVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2020); XVIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием «Актуальные проблемы русского языка и методики преподавания: традиции и инновации» (Москва, 2020);

Международном научном семинаре «Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований» (Екатеринбург, 2020); X Международном конгрессе по когнитивной лингвистике «Когнитивные исследования текста и дискурса» (Екатеринбург, 2020); Всероссийской научной конференции «Слово. Словарь. Словесность: выдающиеся имена Герценовской русистики (к 125-летию Надежды Павловны Гринковой, к 120-летию Сергея Ивановича Ожегова и 90-летию Александра Владимировича Бондарко)» (Санкт-Петербург, 2021); в пятом международном молодежном конвенте «Трансформация реальности: стратегии и практики» (Екатеринбург, 2021), XXVIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2021); международной научной конференции «Аксиологические аспекты современных филологических исследований» (Екатеринбург, 2021, 2022, 2023). Содержание работы отражено в 16 публикациях, 3 из которых опубликована в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы соответствует поставленным задачам и соотносится с избранными аспектами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка цитируемой литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются объект и предмет исследования, его актуальность, оценивается степень изученности проблемы, формулируются цель и задачи исследования, описываются методы анализа, характер языкового материала, обосновываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационной работы.

Первая глава «Моделирование концептуальной метафоры *политика – это грязь*» состоит из трех разделов.

В разделе **1.1. «Теоретические основы структурной организации концептуальной метафоры»** изложены базовые положения, лежащие в основе теории концептуальной метафоры; обосновано выделение двух сфер существования концептуальной метафоры – области-источника (source-domain) и области-мишени (target-domain); описана фреймовая модель организации знаний.

В разделе **1.2. «Когнитивная метафора *политика – это грязь*: фреймо-слотовая организация области-источника»** рассматривается структурная организация донорской базы метафоры. Основой для построения структуры области-источника служат прямые значения вещественного существительного *грязь*, относящегося к миру неживой природы: «1. Размякшая от воды почва. 2. То, что пачкает, грязнит» [ТСРЯ 2008: 175].

Концептуальная сфера донорской базы упорядочена при помощи фреймо-слотовой структуры, включающей 3 фрейма, каждый из которых формируется слотовыми конкретизаторами.

Фрейм «Консистенция грязи»

В данном фрейме можно выделить 3 слота, которые характеризуют разные агрегатные состояния грязи.

Слот 1. «Грязь как жидкость»

Жидкое состояние грязи передается за счет сочетаемостных свойств существительного *грязь* с глаголами *лить* и его производными: *литься*, *полить*, *облить*, *вылить*, *вылиться*, см. толкование глагола *лить*: «Заставлять вытекать, течь **какую-л. жидкость**» [МАС. Т.2: 254]. Например: *Зато теперь, когда потоком льют грязь на наше прошлое, без конца упоминая пакт Молотова-Риббентропа, о Мюнхене вообще не вспоминают* (Красная звезда; 21.03.2007); *Можно говорить о банальной попытке в выборный год дискредитировать власть, **вылить** как можно больше **грязи*** (Известия; 03.11.2011) и др.

Помимо указанных глаголов, на грязь как жидкость указывают глаголы *купать*, *купаться*, *барахтаться*, *макать*, *топить* / *утопить*, *мазать*, а также прилагательное

густой: «2. **О жидком**: с ослабленной текучестью, насыщенный чем-н.» [ТСРЯ 2008: 177]. Например: *В. Матвиенко о выборах на пост губернатора: Я не особенно ждала подмоги со стороны, сама **барахталась в грязи**, которую старательно **лили** на мою голову* (Итоги; 24.05.2010); *Думские коммунисты, правда, настаивают на пятидневном сроке, но избиркомовцы считают, что это может привести к пиаровскому беспределу – чувствуя свою «пятидневную безнаказанность», соперники в это время начнут **поливать друг друга густой грязью*** (Московский комсомолец; 26.10.2001).

Слот 2. «Грязь как твёрдое вещество»

Твёрдое состояние грязи передается за счет активной сочетаемости существительного *грязь* с глаголом *швырять* // однокр. *швырнуть*: «С силой бросать» [ТСРЯ 2008: 1104], т. е. заставить или дать полететь, выпустив из рук нечто твердое, например: *В полемическом угаре иные коллеги–журналисты пытаются **швырнуть грязью** в тех, кто непосредственно исполнял политические планы, замыслы и установки* (Красная звезда; 25.01.1996).

Выявить твёрдое состояние грязи помогают менее частотные глаголы *бросать* / *кидать*. Усиливает значение твердого состояния грязи указание на представление грязи в виде *кома*, т. е. ‘уплотненного округлого куска’ [ТСРЯ 2008: 352], например: *Я не собираюсь **кидаться** в «Справедливую Россию» **комьями грязи**, я ее критикую абсолютно содержательно* (Московский Комсомолец; 31.10.2013).

Слот 3. «Грязь как вязкое вещество»

Грязь в исследуемом материале может быть представлена как вязкое, тягучее вещество, поскольку в грязь человека можно *втоптать*: «Топча, вдавить» [ТСРЯ 2008: 122] → *вдавить*: «Давя, заставить углубиться, вогнать вовнутрь» [там же: 76] и *затоптать*, например:

*О причинах прихода в политику говорил так: мы не имеем права сидеть и ждать, пока нас кто-то **будет ступать в грязь*** (Новая газета; 31.07.2003); *Вчерашний пропагандистский тезис об «империи зла» остаётся актуальным и сегодня. Только давно уже чернят не советский коммунизм – **затаптывают в грязь** Россию* (Слово; 22.05.2009).

Глагол *вылепить* (см.: *лепить* – «Изготавливать или сооружать из мягкого пластического материала» [ТСРЯ 2008: 403]) и производное существительное *вылепливание* указывает на грязь как на мягкий, клейкий материал, из которого создается объект-артефакт:

*Фальшивкой, подделкой является и та псевдооппозиция, **вылепливанием** которой из всякого рода **политической грязи**, скрепляемой слюной финансовых вливаний, власть неумоимо, хотя, по сути, безрезультатно, занимается с целью украшения своего якобы демократического фасада* (Правда; 25.08.2006).

На агрегатное состояние вязкости грязи может указывать и семантика глагола *прилипнуть*, в значении которого выделяется сема специализированного субъекта или объекта: «Крепко пристать (**о чём-н липком** или **к чему-н. липкому**)» [ТСРЯ 2008: 733], например: *Вывод прост: пока больше всего шансов у меня, поскольку окружающая меня как политика **грязь** ко мне **не прилипает*** (Коммерсантъ; 09.09.1997).

Обобщим количественную характеристику материала, заполнившего первый фрейм «Консистенция грязи» в табл. 1.

Процентное соотношение контекстов, вербализующих разное агрегатное состояние грязи, показывает, что из трех состояний наибольшая доля приходится на грязь как жидкость (79 %), грязь как вязкое вещество представлена в 15 % контекстов, грязь как твердое вещество – в 6 %.



Таблица 1. Консистенция грязи

Фрейм «Перцептивная характеристика грязи»

В данном фрейме выделяется 5 слотов.

Слот 1. «Хроматологическая (зрительная) перцепция грязи»

Грязь обычно бывает черного цвета, например: *Г-н Бастрыкин в своем письме измазал **черной грязью**, по сути, всех депутатов Госдумы* (Наша Версия; 23.11.2009).

Жидкая грязь получает свою цветовую характеристику через прилагательное *мутный*: «1. О жидкости: непрозрачный, нечистый» [ТСРЯ 2008: 467], например: *Из телеэкрана льют потоки **мутной грязи** и лжи на всенародно избранного многонациональным народом Калмыкии Президента Кирсана Илюмжинова* (Известия Калмыкии; 16.10.2002).

Слот 2. «Ольфакторная перцепция грязи»

Запах как перцептивное свойство присущ всем предметам реального мира и выступает в качестве одной из важных характеристик этих объектов. Запах грязи, с одной стороны, привязывает человека к природе, см., например: *Он чувствовал все **запахи земли** — **запах грязи**, **опавших листьев**, **речной тины*** (Вокруг света; 15.02.1993).

С другой стороны, запахи принадлежат и социальному миру. Грязь – это «то, что пачкает, грязнит» (2-е прямое значение лексемы) социальные одушевленные и неодушевленные объекты: человека, предметы окружающего повседневного быта, помещения и др. Грязь социального характера, к которой относится и политическая сфера, характеризуется с помощью прилагательных сенсорно-чувственной оценки: ***затхлый** / **едкий** / **резкий** / **тошнотворный** / **невыносимый** / **противный запах грязи***.

Наиболее типичным запахом, связанным с грязью в политическом контексте, является вонь и зловоние, см. толкование лексемы *вонь*: «Отвратительный запах, зловоние» [ТСРЯ 2008: 109] и *вонючий*: «(разг.) Издающий вонь» [там же], например: *Но Некляев не вернулся ни через месяц, ни через два, вылив за это время на своих защитников, покровителей, друзей и президента не один ушат **вонючей грязи*** (Завтра; 14.03.2000).

Слот 3. «Глуттонимическая (вкусовая) перцепция грязи»

Грязь идентифицируется в контекстах как несъедобная ядовитая пища, употребление которой способствует формированию нечестного человека, способного на безнравственные поступки, например: *Если выборы скоро – не стоит идти в правительство; за год сделать толком ничего не успеешь, а **грязи нахлебаешься*** (Московский комсомолец; 31.03.2000); *Послушные слуги коварных программ / Вредить очень дружно пытаются нам / И льет на Грудина «желтая» мразь / Свою **ядовитую черную грязь*** (Советская Россия; 05.12.2019).

Слот 4. «Аудиальная перцепция грязи»

Слуховой канал в нашем материале практически не задействован и представлен единичными примерами: *Когда вокруг нас останется только **шипящая зловонная грязь**, придут разнообразные благодетели* (Хроники Амбера (Советск); 10.03.2005); *Если даже попытаться стереть с лица Родины глубоко, со знанием дела **въевшуюся и чавкающую грязь**, именуемую «демократией»...* (Патриот; 03.05.2005).

Слот 5. «Осязательная (тактильная) перцепция грязи»

Прямым языковым средством выражения тактильного восприятия являются гаптические прилагательные, которые характеризуют объективные физические характеристики. Нам встретилось одно тактильное прилагательное *липкий*, характеризующее вязкое состояние грязи – «Легко прилипающий, покрытый чем-н. липнувшим, клейкий» [ТСРЯ 2008: 409], например: *Какие они, к черту, политики, если не понимают ее простейших правил? Они тут же будут измазаны липкой грязью* (Московский Комсомолец; 14.08.2012).

В русском языке отмечается относительная бедность собственно предикативных лексем, обслуживающих ситуацию тактильного восприятия. Глаголы семантического поля тактильного восприятия передаются лексикой других полей – глаголами перемещения по поверхности, в семной структуре которых выделяются смысловые компоненты давления на объект. Это глаголы *вдавливать*, *месить*, которые идентифицируют объект с легко деформирующей поверхностью, глагол *вязнуть* – ‘входить в тесное соприкосновение с тем, что мешает свободному перемещению’, например: *Идет поиск «болевых точек» в государственной политике, перестраивается и усиливается пропагандистская работа, месится грязь несправедливых обвинений* (Орловская правда; 10.04.2007).

Косвенно глаголы, указывающие на жидкое состояние грязи – *лить* / *полить* / *вылить*, а также *купаться*, *барахтаться*, обозначают и мокрое состояние объекта, поскольку признаки сырости и влажности относятся к тактильным характеристикам.

Обобщим количественную характеристику материала, заполнившего второй фрейм «Перцептивная характеристика грязи» в табл. 2.

Процентное соотношение контекстов, вербализующих разные перцептивные характеристики грязи, показывает, что из пяти характеристик наибольшая доля приходится на осязательную (тактильную) перцепцию грязи (38 %), ольфакторная перцепция представлена в 25 % контекстов, хроматологическая – в 24 %, глуттонимическая – в 10 %, аудиальная – в 3 %.



Таблица 2. Перцептивная характеристика грязи

Фрейм «Специфические свойства грязи»

Фрейм включает два слота.

Слот 1. «Большие объемы вещества»

Вещественные существительные как лексико-грамматический разряд характеризуются отсутствием соотношения числовых форм со значением «единичность – множественность». В нашем материале мы обнаружили реализацию у леммы *грязь* значения ‘большого количества вещества, заполняющего, организующего или составляющего пространство’, которое выражено лексическими единицами, в значение которых включается компонент ‘много’: прилагательное *безбрежный*, существительные *поток*, *куча*, глагол *облить*, например:

Странно получается: коррупция стала главной угрозой национальной безопасности страны, а ЮКОС в этой **безбрежной грязи** остался чистым? (Новая газета; 24.01.2005); Депутат ...**вылил на них кучу грязи** (Красная звезда; 03.02.2005); Основные **потоки грязи** на кандидатов пока еще не вылиты, однако очевидно, что к этому уже все готово (Коммерсантъ; 13.04.2005).

В качестве устойчивых словосочетаний, измеряющих объемы грязи в русском языке, используются коллокации *ушат(ы) грязи / ведра грязи*, например: Оба, **вылив** в ходе предвыборной борьбы друг на друга **ушаты грязи** и компромата, имеют весьма неприглядный вид (Красная звезда; 07.11.2016); Сама же избирательная кампания проходит по всем классическим канонам. Кандидаты **выливают**, не стесняясь, друг на друга **ведра грязи**, от которой порой пахнет совсем дурно (Российская газета; 04.12.2009).

Целый ряд предложно-падежных форм существительных, называющих органы тела человека, находящиеся в нижней либо в верхней части туловища (*колени, уши, ноздри, голова*), косвенно указывает на большой объем жидкой грязи, движение по которой представляет трудность или погружение в которую грозит гибелью, например: *И если в 1919 году мы стояли по колени в грязи старого общества, то сегодня мы этой грязью захлебываемся* (Экономическая газета; 06.04.2017); *Нахлебаться политической грязи по ноздри и выше при этих, так сказать, заочных дебатах нашей, с позволения сказать, политической элиты* (Советская Россия; 15.12.1999).

Слот 2. «Трудность очищения»

Лингвокогнитивное моделирование анализируемого метафорического сегмента позволяет выявить историко-культурную корреляцию двух членов структуры *чистота – грязь*, которая сводится к отношениям *а – не а*. Определяя степень маркированности членов данной оппозиции, укажем, что обычно немаркированный смысл «соответствует когнитивно нормальному (естественному, ожидаемому) положению вещей»², маркированным будет значение, когнитивно отклоняющееся от нормального положения дел. С опорой на лексикографические источники выявляем, что когнитивным оператором нормы является отадъективная лексема *чистота*, см. лексическое значение прилагательного *чистый*: «1. **Не имеющий грязи**» [ТСРЯ 2008: 1094].

Антонимичная единица *грязь* выступает в качестве компонента лексикографической интерпретации лексемы *чистый* – ‘не имеющий грязи’. В когнитивной перспективе ожидаемо, естественно ориентироваться прежде всего на идеальный образец. Если имеется отклонение от нормы, то такое значение является маркированным. В нашем случае маркированным является второй член оппозитивной пары – лексема *грязь*. Грязь понимается как когнитивное нарушение, «если грязь удаляют, значит, она есть»³.

В СМИ всегда звучат требования очистить политику от грязи:

*Разделяя частично негативные оценки избирательного процесса в сегодняшней России, мы занимаем совершенно иную позицию: **надо не отменять выборы, а очищать их от грязи*** (Московский комсомолец; 23.03.2001).

Грязь в политическом контексте имеет специфические свойства: испачкавшись в грязи, ее трудно очистить или смыть. «Семантика несоответствия нормам проявляется в первую очередь в метафоре ОТМЫВАНИЯ»⁴, например: *Я знаю нескольких очень умных и порядочных людей, которые теоретически смогли бы занять пост лидера государства.*

² Кибрик А. Е. Когнитивный подход к языку / А. Е. Кибрик // Язык и мысль : Современная когнитивная лингвистика. – Москва : Языки славянской культуры, 2015. – С.36.

³ Захарьин Д. Коллективное очищение в России. Антропологические и социально-исторические аспекты / Д. Захарьин // Антропологический форум. – 2007. – №6. – С. 136.

⁴ Баранов А. Н. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафоры («взаимоотношения бизнеса и власти», «коррупция») / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Е. А. Шипова. – Москва : Фонд ИНДЕМ, 2006. – С. 50.

Однако выдвигать их ни за что бы не стала. *Политика – это грязь, которая не смывается* (Наша газета; 14.12.2007).

Обобщим количественную характеристику материала, заполнившего третий фрейм «Специфические свойства грязи» в табл.3.

Процентное соотношение контекстов, вербализующих особые свойства политической грязи, показывает, что из двух свойств наибольшая доля приходится на большие объемы вещества (64 %), трудность очищения реализуется в 36 % контекстов.



Таблица 3. Специфические свойства грязи

В разделе 1.3. «*Концептуальная метафора политика – это грязь: фрейм-слотовая организация области-мишени*» ключевым понятием, участвующим в интерпретации метафорического материала, является прототипическая ситуация – когнитивная модель ситуации, в составе которой выделяется набор компонентов, который предопределяет структуру ценностной интерпретации.

Первая прототипическая ситуация области-мишени, объединенная глагольной семантикой, состоит из компонентов: а) субъект воздействия; тот, кто пачкает; б) объект, приводимый в определенное нечистое / грязное состояние; в) действие, производимое субъектом (перемещение); г) инструмент перемещения (грязь).

Вторая прототипическая ситуация области-мишени, объединенная глагольной семантикой, состоит из компонентов: а) субъект действия; б) действие, производимое субъектом; в) локус / место движения субъекта локализации.

На основе обозначенных прототипических ситуаций выделены два фрейма структурной организации области-мишени: «Процессы речевого взаимодействия» и «Характеристика политической деятельности».

Фрейм «Процессы речевого взаимодействия»

Фрейм структурирует процессы речевого взаимодействия, при которых субъект, воздействуя на объект, целенаправленно распространяет ложную информацию, порочащую и оскорбляющую отдельную личность / социальную группу / политический институт / государство / гражданское общество. При этом происходит утрата объектом морального облика, чести и достоинства человека / социальной группы / государства / гражданского общества в целом в результате отрицательных психологических воздействий.

Фрейм «Процессы речевого взаимодействия» включает два слота.

Слот 1. «Участники речевого взаимодействия»

В основе речевого взаимодействия лежит структура коммуникативного акта, предполагающая участие в процессе общения двух коммуникантов – субъекта и объекта. При этом субъект достигает коммуникативной цели с помощью языковых ресурсов, порочащих объект.

Опишем типы субъекта и объекта.

1.1. Субъект – СМИ, объектом могут быть а) политические институты; б) армия и флот; в) гражданское общество; г) политик(и); д) СМИ, например: *Как только были сформулированы конкретные предложения и подготовлены проекты решений, предусматривающие предоставление льгот и выделение денег, в российской и*

зарубежной печати на калининградскую администрацию полился поток грязи (Московский комсомолец; 26.06.2001).

1.2. Субъект – политик(и), объектом могут быть а) гражданское общество; б) политический институт; г) политик(и), например: *Обличений не было, а Боровой просто честно отрабатывал общую установку: мазать грязью Думу* (Советская Россия; 16.10.1997).

1.3. Субъект – социальная группа / партия, объектом могут быть а) государство / страна; б) партия; в) политический институт, например: *Депутат отметил, что оппозиция будет принимать все меры, чтобы правовыми методами «остановить потоки грязи и лжи, инициированные саратовскими единороссами»* (Коммерсантъ Daily; 02.10.2007).

1.5. Субъект – СМИ и власть в целом, объектом может быть государство / страна, например: *Что благоприятно скажется на имидже страны, главное – не дать сегодня ополнить наше прошлое, которое продажные СМИ и власть мажут грязью ежедневно, ежечасно* (Советская Россия; 13.05.2017).

1.6. Обобщенный субъект (не получивший номинации в контексте), объектом могут быть а) представитель политического института / политик; б) партия; в) армия, например: *Эту партию обливали грязью, о ней отказывались писать в прессе, ее пытались изолировать, а число ее сторонников только росло* (Новая газета; 26.09.2002).

Первый слот связан с дискредитацией акторов политического дискурса на уровне межличностной, групповой и массовой коммуникации. Современные СМИ, обладая огромными возможностями политического влияния, оказывают психологическое информационное воздействие на массовую аудиторию. В распространении негативной информации активное участие принимают и сами политики. Конкуренция политических партий, конкретных политиков заставляет акторов политической деятельности заниматься очернением своих противников в глазах избирателей. Речевое взаимодействие политических акторов сопровождается нарушением моральных и этических норм и правил поведения, метафорически вербализуемых в процессах перемещения грязи.

Слот 2. «Деструктивные действия субъекта»

Основным средством метафорической вербализации формируемого негативного общественного мнения, деструктивного поведения по отношению к конкурентам является **жидкое состояние грязи**, которой *обливают, поливают* объекта воздействия, *льют и выливают* на него.

Свойство грязи – «Большие объемы вещества», указывая на параметрические характеристики инструмента воздействия (грязь), определяет деструктивные действия по интенсивности: *слишком / особенно много грязи; безбрежная грязь, куча / потоки грязи; с головы до ног облили грязью; всячески обливалось; мажут грязью ежедневно, ежечасно* и др.

Модусы перцепции – цвет, запах, вкус, звук – также концептуализируют область отрицательной оценки: *грязь черная, мутная* (цветовая характеристика), *вонючая, зловонная, резкая, едкая* (ольфакторная характеристика), *ядовитая* (вкусовая характеристика), *чавкающая* (звуковая характеристика) создают сенсорное напряжение. Все компоненты метафорической модели аксиологически заряжены отрицательной коннотацией. Они, являясь интенсификаторами, поддерживают и усиливают общий пейоративный смысл концептуальной метафоры.

Фрейм «Характеристика политической деятельности»

Структура фрейма фиксирует восприятие политической деятельности в аспекте нравственных требований, предъявляемых обществом политику и политике в целом. Аксиологическая составляющая данного фрейма – общая негативная характеристика политического мира, безнравственности и бесчестности политических акторов и их поступков; ставится под сомнение открытость, честность и бескорыстие политиков в ходе выполнения ими своих должностных обязанностей.

Фрейм «Характеристика политической деятельности» включает три слота.

Слот 1. «Локальная и деятельностная характеристика политического пространства»

Слот связан с общей характеристикой политического пространства, в котором осуществляется деятельность отдельных политиков, ветвей власти, политических институтов и государства в целом. В современном обществе политическая деятельность связана с принятием и проведением в жизнь решений теми людьми, которые наделены полномочиями со стороны общества. Грязь в данном слоте является тем веществом-вместилищем, в котором действует политический актер: *барахтается, купается, ворочается в грязи*. Грязь наделена мощным пейоративно-оценочным ореолом: это объемный локус, в который субъект полностью погружен и вынужден действовать в предложенных обстоятельствах, например: *Он прибыл в Москву в самый пик очередного раунда властных разборок, когда вся наша политическая элита с каким-то сладострастием барахтается в грязи взаимных обвинений в коррупции, измене, подготовке убийств, переворотов и еще чего-то* (Красная звезда; 19.09.1996).

Существительное *грязь* в анализируемых контекстах характеризуется развернутой правой валентностью содержимого, усиливающего негативную аксиологическую составляющую метафоры: *в грязи взаимных обвинений в коррупции, измене, подготовке убийств, переворотов; в грязи кремлевских политических интриг*.

Слот 2. «Обобщенная характеристика политической деятельности»

Основным средством метафорической вербализации данного слота выступают синтаксические квалификативно-оценочные модели, в которых предиктируемый субъект является носителем оценочного признака, а предикатом – существительное в форме именительного падежа, выражающее оценку как присущий предмету признак, например: *Когда на каждом углу слышишь, что политика – это грязь, уже ко всему оказываешься готов* (Независимая газета; 03.10.1998).

Лексема *грязь*, употребленная в предложениях «субъектно-предикативной качественности» (Воейкова, Пупынин), получает дальнейшее контекстное расширение, включающее конкретную характеристику негативных феноменов политической жизни, относящихся к области социальной этики и формирующих безнравственный фундамент метафорической грязи, например:

Если политика – это грязь, склоки, сплетни, незаконные лишения свободы и привлечение к уголовной ответственности, если политика – это взятки и воровство – тогда это дело можно назвать политическим (Тридевятый регион (Калининград); 06.07.2007); *Тут вот что важно помнить: политика – это грязь: коррупция, махинации, «левые» деньги, шантаж, убийства* (Невское время; 19.01.2008).

Метафорическое суждение *политика – это грязь* воспринимается носителями языка как негативный стереотип и сопровождается метаязыковыми сопроводителями: *расхожая фраза, стереотип, затасканные слова, давно известно, многие говорят / считают* и др.

Частотным вариантом суждения *политика – это грязь* выступает высказывание *политика – это грязное дело* в силу деятельностного характера политики, например: *Политика по самой своей сути нечестива и даже прямо – безнравственна; политика – это грязное дело и не может быть иной* (Свободная мысль-XXI; 06.12.2004).

Слот 3. «Моральный облик политика»

Социальным измерением грязного фона политики является моральный облик политического субъекта. Одна из ведущих тем обсуждения в СМИ – моральные пороки и ошибки политиков, нравственное состояние политического сообщества. Выстраивается оппозиция *честный политик – аморальный политик*:

Политик должен пользоваться теми же моральными ценностями, что и обычный человек. Говорят, что политика – это грязное дело. А в грязных руках она еще грязнее. Политика – это такое же ремесло, как и наука, как и любое другое занятие.

Конечно, все зависит от того человека, который занимается политикой, для меня **честный политик** – это не абстрактное сочетание слов (Тамбовский курьер; 19.01.2010).

Анализ контекстного материала позволяет выявить круг отрицательных характеристик безнравственных политиков. Прежде всего, в современном обществе политику понимают как сферу личных интересов, а политиков как эгоистичных людей, которые делают все для личного блага и не представляют интересы народа, например: *Жаль, что есть люди, которые рассматривают любые вопросы только с позиции личной выгоды. Говорят, политика – грязное дело* (Наше время; 12.12.2005).

В анализируемом материале представлена коррозия власти, манифестируемая набором моральных грехов политиков, нарушающих нормы права и морали по разным основаниям: *Но я убедился в том, что политика – грязное дело не потому, что оно грязнее других, а потому, что грязь в политике виднее. Здесь тоже много глупости, корысти, местничества, сиюминутной конъюнктуры и торгашества, предательства и, если хотите, преступлений...* (Новая газета; 29.07.2002); *Так, согласно исследованию Фонда «Общественное мнение», которое проводилось в июле прошлого года, на вопрос о том, что первое приходит в голову при словах «депутат Госдумы», граждане отвечали: «бездельники», «балаболы», «дармоеды», «воры», «коррупционеры», «жулики». В России все уверены: политика – это грязное дело* (Новые Известия; 18.01.2008).

Вторая глава «Смысловое развертывание базовой метафорической модели **политика – это грязь**» посвящена анализу кластерных образований, связанных с базовой моделью. Концепт *грязь* допускает открытый ряд понятийного расширения, опирающийся на базовый признак когнитивного отклонения от нормы. Исходный образ грязи образует систему смыслов, объединенных парадигматическими и ассоциативными связями. Классы единиц, выделенные нами на основе разнообразных оснований для объединения образных средств, можем назвать «актантами 'грязегенности'» (Козубовская).

В разделе 2.1. «Кластеры на основе парадигматических отношений» рассмотрены синонимические связи лексем с базовой единицей *грязь*, понятийно объединенной с морально-нравственной характеристикой – с отсутствием добродетели, наличием нечто плохого, злого, см. переносное значение лексемы *грязь* – «4. перен. Безнравственность, бесчестность в личных или общественных отношениях» [ТСРЯ 2008: 175]. Данная аксиологическая категория вербализуется в формуле характеристики *политика – это ... с помощью прямооценочных пейоративных языковых единиц: мерзость, гадость, пошлость, гнусность, дрянь* и др., например: *Политики – это дрянь, – с металлом в голосе сказал он. – Тем более у нас в России лишь два настоящих политика* (Комсомольская правда; 10.04.2002).

Модусы перцепции – цвет, звук, запах, вкус – в совокупности создают особый кластер метонимического сдвига перцептивных образов. Для подтверждения своей мысли рассмотрим следующий пример. Прилагательное *черный* выражает цветовую характеристику грязи в концептуальной метафоре *политика – это черная грязь / черная грязь политики* и др. Метонимически это прилагательное может перейти из области-источника в область-мишень и напрямую оценивать целевую сферу – *черная политика*. Слово сочетание приобретает метафорическую характеристику темного, злобного, безнравственного, например: *Беларусь поделена, разрушена, и по отношению к ней осуществляются самые гадкие приёмы чёрной-пречёрной политики, – писали «Белорусские ведомости» 14 сентября 1921 года* (Родина; 09.07.2012).

Кластер на основе метонимического сдвига образуется совокупностью перцептивных прилагательных, которые напрямую оценивают область-мишень: *черная / мутная / вонючая / затхлая / вязкая / ядовитая политика*.

Кластеры тематической однородности, выделенные на основе родо-видовых отношений, объединяют в один тематический класс лексические единицы, обозначающие

негодные, ненужные остатки жизнедеятельности человека. В данную группу входят два кластера: «Отходы человеческой жизнедеятельности» и «Мусор».

Кластер «Отходы человеческой жизнедеятельности» включает биологические выделения, шлакообразные продукты пищеварения, выходящие за пределы прямой кишки. В современном обществе существует коммуникативное табу на обсуждение или упоминание физиологических процессов человеческого организма. Негативный характер метафоры детерминируется самой областью денотации: лексика, находящаяся в «теневой зоне», включает наименования результатов физиологических отправления и относится к грязным словам.

Аксиологическая предвзятость таких слов заложена уже на уровне языка при характеристике политики как безнравственной сферы деятельности. Инвективная лексика намеренно оскорбляет или унижает морально-нравственную основу политики. К таким единицам относятся слова *экскременты*, *испражнения*, *кал*, *нечистоты*, *дерьмо*, *говно*. Данные единицы образуют стилистически маркированный ряд. К нейтральным можно отнести лексему *нечистоты*, в медицинском обиходе употребляются слова *экскременты*, *испражнения* и *кал*. Сниженными просторечными и грубыми являются слова *говно* и *дерьмо*. Лексема *дерьмо* является эвфемистической единицей по отношению к более грубой *говно*. Две последние единицы являются единицами бранными в составе фразеологических оборотов. Эти единицы объединяются в парадигму синонимически-градуального типа: *грязь* – *дерьмо* – *говно*, например: *Любая политика – дерьмо, или, мягче выражаясь, – грязь* (Красноярский рабочий; 09.10.2014); *Конечно, А. Проханов и В. Чикин, Г. Зюганов – это не политический навоз, это политическое говно, которое сильно воняет, а толку нет* (Дуэль, Москва; 11.07.2000).

В этот класс единиц входит лексема *фекалии*, которая в значении удобрения выстраивается в один понятийный ряд с *навозом* и *птичьим пометом*, отходами жизнедеятельности животного мира.

К биологическим отходам жизнедеятельности человека относятся выделения из других органов человеческого тела: *сопли*, *плевок* (выплюнутый сгусток слюны), которые также относятся к «актантам грязегенности», например: *Анкара отказалась выдавать террористов – это был политический плевок в лицо СССР, и Брежнев не стерпел* (Независимая газета; 16.04.2000).

Кластер «Мусор» включает ненужные остатки жизнедеятельности человека, те предметы, которые не представляют ценности для человека, являясь для него бесполезными. Единицы объединяются по признаку негодного для повседневной жизни человека: «отрицательная языковая коннотация не вызывает сомнений: сор – это все бросовое, грязное, ничего не стоящее, то, от чего приходится постоянно избавляться»⁵. Направленный в область политики вещный мир всего старого и ненужного создает негативную ауру сфере политической работы, ставя под сомнение утилитарную значимость пользы этой деятельности. Статус мусора маркирован как негативный, нечистый, представляется низом бытия, усиливает смысл нравственной грязи.

К мусорогенной среде можно отнести такие единицы, как *мусор*, *сор*, *пыль*, *отбросы*, *помои*, *ветошь*, *лохмотья*, *старье*, *рухлядь*, *хлам*, *утиль*, *осколки*, *обломки* и др.

Ядерные когнитивные смыслы данного кластера вербализуются синонимически-градуальной группой лексем, которая определяет кластер обобщенно: *политический мусор* / *сор* / *пыль*, например: *«Справедливая Россия», позиционирующая себя как вторая партия власти, превратилась в своего рода пылесос, засасывающий политический мусор, не нужный «Единой России», – отметил депутат* (Советская Россия; 29.09.2007); *Может возникнуть вопрос: зачем заново поднимать едкую политическую пыль, если через пару месяцев – новые выборы?* (Владивосток; 28.01.1999).

⁵ Кушкова А. Н. Семиотические заметки о сор в народных представлениях и обрядах славян / А. Н. Кушкова // Отечественные записки. – 2007. – № 35 (2). – С. 163.

Структура кластера «Мусор» имеет иерархическую организацию. Лексические репрезентанты видовых разновидностей мусора объединены в группы по признакам темпоральности (группу единиц объединяют, кроме семы непригодного, семы «ветхого», «дряхлого», бесполезного», что утратило / завершило свое функциональное бытие: *ветошь, старье, рухлядь, утиль, хлам*), технологических остатков (*отходы*), предметно-бытовых (*помои, отбросы*) и виртуальных (*спам*) отходов.

Регулярная реализация аксиологического потенциала лексических заполнителей кластера «Мусор» расширила круг оценочных характеристик политических акторов, добавила к негативной оценке морально-нравственного облика политического мира и пейоративную характеристику профессионально-деловых качеств политических акторов. Метафорическая оценка дряхлости политических субъектов, потери активности, неплодотворности в работе на благо народа реализуется в контекстах, включающих лексемы из группы темпорального мусора, например: *У Бориса Ельцина как единственного стопроцентно легитимного политика появилась возможность сбросить накопившийся за годы его правления ядовитый политический хлам с парохода истории* (Компания; 08.03.1999); *Когда выступает политическая рухлядь, как Касьянов, это смешно просто* (АиФ; 20.09.2016).

В разделе 2.2. «Кластеры на основе ассоциативной когнитивной смежности» рассмотрены кластеры «Локусы мусора и отходов жизнедеятельности человека», которые являются когнитивно смежными к кластерам «Отходы человеческой жизнедеятельности» и «Мусор».

Кластер «Локусы мусора и отходов жизнедеятельности человека» связан с социальными контурами правил очищения, формулируемых обществом, с социализацией гигиенических предписаний.

Метафорическая маркированность пространственной ориентации мусора организована по двум векторам: личному и общественному. К общественному вектору относится линейная модель локуса, которая структурируется хронологически: *выгребная яма – помойка / свалка – сток / клоака – мусорный ящик / мусорная корзина*. Личный вектор включает единицы *сортир – туалет – унитаз*. Места, куда выбрасывается мусор или выливаются нечистоты, понимаются как обязательно грязные. К ним относятся единицы городской культуры, указанные выше, например: *Из текста следует: все партии, включая партию власти «Единая Россия», являются «политическими помойками»* (Караван + Я; 28.11.2007); *Чтобы Вам, Александр Васильевич, было проще понять меня, напомню общеизвестное, а значит и бесспорное: Н. Денина отправили на политическую свалку (или помойку?) за разведение коррупции* (Брянская правда; 03.10.2014).

Одной из главных примет формирующейся субъективности в социологии нечистот становится «приватизация» телесных отправлений. Канализация грязи в закрытые русла, отвод испражнений с помощью туалетов привели к «анонимизации грязи» (Захарьин), к превращению явного в тайное с осуществлением контроля над функциями выделения. Ассоциативно-метафорический тезаурус единиц, вербализующих места личного пользования, также имеет негативную коннотацию, например: *Этот политический сортир смердит чем-то другим* (Дуэль; 19.04.2002); *«Партию «ЕдРо» в помойное ведро!», «Прогнившую «Единую Россию» пора слить в политический унитаз!»* (Выборгские ведомости; 05.02.2010).

Одним из знаменитых локусов грязи в общемировой культуре являются *авгиевы конюшни* со значением ‘сильно засоренное, загрязненное или захламленное место’, например: *Новый мэр Сергей Собянин с энтузиазмом взялся за расчистку авгиевых конюшен и разгон «пенсионного фонда», заседавшего в бывшем здании СЭВ* (Компания; 26.12.2011).

Кластер «Природный локус нечистот» включает болото как природный локус нечистого. На связь болота с мусором указывают этнолингвистические наблюдения:

«Место, куда выбрасывался сор, понималось как обязательно «грязное» — либо изначально (что, собственно, и делало **возможным выбрасывать на него мусор**, например, **болото**)...»⁶.

Часть контекстов опирается на ассоциативные связи, которые выстраивают связь болота с общественной бездеятельностью, с отношением «к болоту как очагу мертвящей жизни»⁷, например: *В итоге появилось «Отечество», которое, забрало всех, кто был чуть правее, – а это как раз те миллионы, то **политическое болото**, которое обеспечило Ельцину победу на президентских выборах* (Омская правда; 01.09.1999); *Однако Андрей Остальский, независимый журналист, работающий в Британии, сказал «НГ», что судьба референдума находится в руках **аморфной части избирателей**, – тех, кого можно назвать **политическим болотом*** (Независимая газета; 25.02.2016).

Кроме того, аксиологическая составляющая метафорической модели с концептом *болото* представляет собой негативную оценку политического объединения, «поскольку его изнанку составляют наихудшие нравственные проявления – распространение сплетен, злобствований, предательств»⁸, например: *«Единая Россия» отреклась от правительства. Но сделала это не открыто, а трусливо. Тем самым дискредитировала не только кабинет Фрадкова, но в не меньшей степени и себя. Теперь ясно, что в «партию власти» рядилось **политическое болото**. На него нельзя надеяться не только избирателям, но и тем, кто этому болоту придавал солидный политический вид* (Правда; 11.02.2005).

Третья глава «Кластер Бестиарий как составляющая грязи и мусора» включает характеристику номинаций животного мира, выделенных на базе ассоциативной когнитивной смежности. В наш бестиарий (лат. *bestia* – животное, зверь, и *-āgius*, суффикс, субстантивирующий прилагательное) мы включили весь животный мир. Слово *зверь* распространяется на всех представителей фауны: кроме млекопитающих, к ним относятся также птицы и насекомые. Критерием отбора животных послужила их связь с локусами грязи и мусора. Задача данной главы – выявить бестиарное выражение безнравственного поведения политиков во всем многообразии оттенков и смыслов. Концептуализация мира политики происходит посредством его представления через хорошо известный и понятный мир животных. Дегуманизация политиков осуществляется за счет сравнения их с животными. В иерархической оппозиции *человек – животное* «человек позиционирует себя в качестве нормы»⁹. Зоомир, связанный с грязью и мусором, воплощает отсутствие «нормальных» человеческих качеств.

Мы разделили зоокластер на пять групп, а именно: дикие животные, домашние животные, мелкие дикие животные – грызуны, птицы и насекомые, имеющие отношение к грязи или мусору: среда обитания, привычки или поведение животных могут быть связаны с миром нечистого бытия.

Первую группу заполняют *шакалы* и *гиены* – плотоядные животные, называемые падальщиками, поскольку они не охотятся, а питаются добычей, находящейся в стадии разложения. Обычно эту падаль они находят или отбирают у других животных-охотников. Символическими чертами, приписываемыми этим животным, являются подлость, коварство, трусливость, алчность и жадность, которые в политическом пространстве характеризуют личные и социальные характеристики безнравственного поведения как

⁶ Кушкова А. Н. Семиотические заметки о соре в народных представлениях и обрядах славян / А. Н. Кушкова // Отечественные записки. – 2007. – № 35 (2). – С. 167.

⁷ Леонтьева Т. В. Метафора болота в характеристиках социума / Т. В. Леонтьева, В. М. Мокиенко // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 465. – С. 18.

⁸ Там же.

⁹ Рябов О. В. Бестиарий мировой политики: когнитивные, политические и социальные функции использования животных метафор / О. В. Рябов // Символическое измерение военных и политических конфликтов (зарождение, протекание, деэскалация) : мат-лы науч. конф., Санкт-Петербург, 14–15 декабря 2021 года. – Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2021. – С. 84.

конкретных политиков, так и крупных политических акторов, например: *Сегодня мы имеем три реально существующие, действующие партии со своей позицией, тогда как все остальные – шакалы политического поля, готовые перебежать и поддаться, где что получится, получать голоса любым способом. Взять, к примеру, переход Митрофанова из ЛДПР в «Справедливую Россию»* (Независимая Газета; 06.09.2007); *Точно известно лишь то, что умирал Сталин в полном одиночестве, в окружении стаи политических гиен* (Труд; 08.12.1996).

Вторая группа характеризует **свинью** как домашнее животное. Мифическая нечистоплотность свиньи является стереотипной характеристикой животного в коллективном сознании, ограничивающего возможности свиньи земной, грязной сферой. В политических контекстах свинья метафорически обличает современное общественное бытие. Свинья как эталон низменных инстинктов и нечистоплотности, бытовой и моральной, относится к типу архетипических концептов. Наряду с лексемой *свинья* употребляются лексические единицы, указывающие на самцов домашнего животного, – *боров* и *хряк*, например: *Наши демократы вываливают на всеобщее обозрение, не смущаясь тем, как в такой ситуации выглядят они сами и их господин. А впечатление такое, что Чубайс, как жирный боров, ворочается в вонючей грязи кремлевских политических интриг и хрюкает от удовольствия* (Липецкие известия; 16.02.2000).

При развороте свинной темы в данном политическом контексте мотив грязи является основополагающим, сопряженным с утратой нравственных ориентиров, где духовное родство с боровом демонстрирует скотское нутро и человеческую несостоятельность политика, который сравнивается с перекормленным домашним животным и не требует дальнейшей детализации.

Одним из способов выражения негативной оценки безнравственного поведения является предикативная функция зоонима, при которой «происходит совмещение ролевого субъекта и объекта оценки, выраженной зоонимом»¹⁰, например: *Три бабки шумно ругают Порошенко. – Он же свинья. Добрался до кормушки, нажрался и улегся* (Комсомольская правда; 11.11.2017).

Слово *свинья* в синтаксически обусловленном (в позиции предикативного центра), «кваликативно-оценочном значении» (Золотова) часто используется как оскорбление, поскольку высказывание, включающее имя существительное с ярким оценочным значением в роли сказуемого, подчёркивает экспрессивность речи и категоричность выражаемой оценки, например: *Лукашенко регулярно начал осыпать своих конкурентов самыми разными изысканными «комплиментами», называя их, например, «пузатыми буржуями», «жуликами» или «хряками»* (Эксперт; 29.06.2020); *Попков вызвал оппозиционного блогера на боксерскую дуэль, когда Навальный в своем аккаунте в ЖЖ назвал волгоградского депутата «едроссовским хряком»* (Независимая газета; 13.03.2014).

Стереотипное пренебрежительно-оскорбительное прозвище русского народа **русские свиньи** приписывает нации бытовую нечистоплотность и некультурное поведение, например: *Бывший посол Азербайджана в Белоруссии, Молдове и Пакистане Исфандияр Вагабзаде в перепалке с Жириновским заявил, что русские — свиньи. Вагабзаде заявил, что проливал кровь в Афганистане, исполняя советский «оккупационный долг», работал на русских в Иране, а вся русская нация — воняет как свиньи, во всем мире не продохнуть* (МК; 12.08.2021).

Данное прозвище обычно используется при внешней идентификации русского народа, см., например, анекдот про Штирлица: *Полковник Максим Максимович Исаев-Штирлиц зашел в родной московский туалет. Его взору предстали грязные унитаза,*

¹⁰ Красильникова П. Ю. Синтаксические закономерности реализации коннотаций зоонимов в поэтическом языке Саши Чёрного / П. Ю. Красильникова // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия : Русская филология. – 2021. – № 4. – С. 14.

измалеванные стены и дымящиеся окурки. – И дым отечества мне сладок и приятен! – патетично воскликнул Исаев. – **Свиньи. Русские свиньи**, – прошипел Штирлиц.

Собранный материал позволил выявить примеры и внутренней негативной самоидентификации, например: *Николай Павлович, дорогой наш член Союза писателей России, а ведь вы – свинья. – Позвольте!.. – Не горячитесь. И я свинья. И весь наш российский, прежде всего русский, народ – тоже свиньи. Да, да, все мы, отцы, матери, дедушки, бабушки, – свиньи, за кого нас и принимает орда хозяев Останкинской башины, если позволяем так изгаляться над моралью, втягивать своих детей – внуков – правнуков в самый оголтелый разврат ума и чувств! И не переставая летят с телеэкрана ошметки грязи идеологизированного накала, сжигающего в душах все благородные устремления, что наработало человечество. Но – раз «свиньи терпят» – а вот им еще и еще!* (Патриот; 15.02.2006).

Внешний облик свиньи (голова и глаза) также метафоризируется. В языке фиксируются в качестве ругательств фразеологические единицы *свинья морда*, *свинья харя*, *свиное рыло* в переносном значении уродливого, безобразного лица человека, метонимически характеризующего в целом его отрицательный морально-нравственный облик, например: *А хорошие люди сторонятся политики, не желая испачкаться. По сути, власть – это свиное рыло, а государственный аппарат – стойло* (Красное знамя (Краснознаменск); 20.08.2005); *В центре — образ «несправедливой власти». «Лицо Системы». Или чаще: «свинья харя Системы»* (Дружба народов; 15.09.1997).

«Грязную» оценочность получают артефактные метафоры свинной атрибутики – помещение для содержания свиней, которое нуждается в серьезной чистке, а также корыто, из которого кормят свиней, например: *Как бы ни был Навальный несимпатичен значительной части русской интеллигенции, он на практике взялся за лопату, чтобы вычистить российские политические свинарники, в то время как достойные представители нации сгрудилась вокруг этих свинарен, чтобы обсудить, какой гадкий запах оттуда доносится* (Сегодняшняя газета (Красноярск); 18.09.2013); *Регулярный гость программы «Московия» (ТВ-Центр) профессор Н. Леонов справедливо назвал панические вопли Гайдара «визгом поросенка, которого оттаскивают от корыта»* (Советская Россия; 22.09.1998).

Метафорическое употребление зоонима *свинья* в разных его проявлениях переводит пороки и поступки политических акторов в разряд нечеловеческих, характеризует политический мир как лишенный моральных принципов и не обладающий необходимыми профессионально-деловыми качествами.

Третья группа характеризует мелких животных-грызунов, *мышей* и *крыс*, которые в славянской мифологии относят к нечистым животным, наделенным дьявольскими свойствами, относимым «в народном сознании к гадам»¹¹.

Мышь из-за своего размера и невзрачного серого цвета считается мелким и слабым животным, поэтому в политическом дискурсе она часто выступает в метафорическом образе политического деятеля или партии, не имеющих необходимого веса и авторитета среди политических партнеров и электората. Небольшие размеры зверька служит базой для нравственных характеристик, подчеркивающих ничтожность и слабость политического актора, например: *Единой России просто некому противостоять, – сказал Александр Никитин, – остальные в списках партий – просто политические мыши!* (Московский комсомолец в Саратове; 05.12.2007).

Крыса в русской культуре связана с разными образами. Так, крыса соотносится с образом мелкого и ничтожного человека, представленного в качестве чиновника-бюрократа невысокого ранга: *канцелярская / чернильная / архивная крыса*. Чаще крыса воспринимается как символ разрушающего и злобного начала, и в политическом дискурсе

¹¹ Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – Москва : Индрик, 1997. – С. 403.

крысами оскорбительно называют корыстных и коррумпированных политиков, например: *Когда демагоги чубайсовско-гайдаровского пошиба объявили Лигачева «динозавром коммунизма», он напомнил, что после эпохи динозавров наступает эпоха крыс. Слова Лигачева оказались пророческими. Восторжествовавшие вскоре крысы разрушили и растащили то, что долгие годы героически создавалось руками трудового народа под руководством Коммунистической партии (Советская Россия; 11.05.2021); Политические крысы ...съели больше 140 млрд долларов народных денег за один присест! (Своими именами; 03.04.2012).*

Крыса как неуловимое, злобное животное, которое портит и уничтожает все вокруг, вызывает отвращение. Образ крысы, перенесенный в политический контекст, становится одним из способов отрицательной категоризации всего политического бомонда, например: *Ненавижу современных политических крыс и блюдолизов* (Вечерний Томск; 09.11.2011).

В четвертую группу включена *ворона*, характеризующая класс птиц.

Семиотика ворона / вороны широко представлена в русской культуре, см.: (Сумцов 1890; Гура 1997). Смешение ворона и черной вороны «(вероятно, как самца и самки) — факт общеславянского языкового сознания»¹². Когда некоторые славянские группы перестали встречать черную ворону, они «перенесли известное название на серую ворону, похожую по образу жизни и поведения»¹³. Это хищная птица, которая питается падалью и чует ее на расстоянии. Внутренняя форма слова *ворон* (др.р. и ц.сл. слова *гаврань* ‘ворон’) способствует формированию негативных коннотативных признаков: «нельзя исключать связь с праславянским глаголом *gavratī, находящем современные соответствия в болг. диал. гавря ‘пачкать’, рус. диал. гавря ‘гниль’, гавраться ‘пачкаться’, гаврить ‘пачкать’. В этом случае внутренней формой названия ворона будет — ‘пачкающий, грязный’»¹⁴.

Этимологию слова поддерживает культурный контекст: ворон /ворона считается хищной птицей, наделенной определенной мифологической семантикой. Это вещая птица, способная предсказывать будущее, связана со смертью, нечистой силой, вестник зла. Выделение отрицательных признаков ‘нечистота, зло, смерть’ становится основой для метафорического переноса образа птицы на область политики.

Анализ материала показывает, что представители политического мира чаще представлены в форме собирательного существительного среднего рода с суффиксом *-j-воронье*. Метафорическое *воронье* характеризует политиков как объединение людей на основе общих негативных качеств – алчности, корыстолюбия, жадности. Слова со значением ‘группа лиц’, образованные по данной словообразовательной модели, носят уничижительную окраску, например: *И когда в полыхающий Хову-Аксы (Тува) вошел ОМОН и вороньем слетелись политики – пришел конец всему. Большинство русских продали свои квартиры жаждущим тувинцам за копейки, завод без русских встал* (Комсомольская правда; 17.08.2010).

Контексты конкретизируют объединения политиков-хищников, жаждущих что-либо присвоить и захватить. Это могут быть, например: *В России правит бал олигархическое и чиновничье воронье, полностью зависящее от зарубежных партнёров* (Парламентская газета; 18.12.2009); *Стараниями Березовских, Чубайсов, Гайдаров, Кириенко, Немцовых, Черномырдиных, Степашиных – всего воронья, обсевшего Россию* (Советская Россия; 20.01.2000); *«Соколы» Жириновского оказались хуже воронья* (Московский комсомолец; 12.10.2002).

В пятую группу входят *насекомые*, очень важный образ не только в политической метафорике. Обращение к этому классу живого мира имеет большие культурные

¹² Алексеев А. В. Соотношение номинации и коннотации в синхронии и диахронии (на материале названий врановых) / А. В. Алексеев // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке : коллективная монография / отв. ред. А. И. Смирнова. – Москва : Книгодел, 2019. – С.377.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. – С. 378.

традиции.

Образы насекомых носят амбивалентный характер. С одной стороны, они обладают негативной семантикой: к ним относятся насекомые, отмеченные человеческой телесностью или бытом, связью с повелителями низа (*клоп, вошь, блоха, таракан, муха*), они ассоциируются с болезнью, мусором, ничтожным существованием, войной, Апокалипсисом; с другой стороны, обладают позитивной семантикой (чаще всего она связана с образами *пчелы, муравья и божьей коровки*). При этом *муха, комар, клоп и блоха* доминируют над *пчелой, муравьем и бабочкой*. Исследовательский интерес для нас представляют насекомые, которых относят к классу нечистых (*муха, слепень, таракан, блоха, вошь, гнида, моль*).

Одним из часто встречаемых образов является *муха*, которая ассоциируется с нечистоплотным в отношениях и вкусах обществе. Признак 'нечистоты, порчи', основан «на способности мух пачкать своими испражнениями различные предметы, фиксируется в выражениях *мухи засидели* (что-л.), *засиженный мухами*, обозначающих нечто 'грязное, испачканное, практически не пригодное к использованию'¹⁵, например: *В телевизионных отчетах с учредительного съезда показывались исключительно слетевшиеся на сладкое оппозиционное блюдо политические мухи: Ампилов, Зюганов, Жириновский, Макашов и прочие* (Московские новости; 23.09.1997).

Признак нечистоты и порчи манифестируется с помощью устойчивого выражения *мухи – отдельно, комлеты – отдельно*, при этом в роли мух выступают разные объекты, объединяемые признаком ненужного или плохого, например: *Народ не желает «смешивать комлеты с мухами», т.е. парламентские выборы с надуманным «референдумом»* (Советская Россия; 27.11.2007).

Следующее насекомое – *слепни*, крупные мухи, которые распространяют болезни, тесно связанные с нечистотой. Их часто называют мухами-вампирами, и в политическом тексте они метафорически актуализируют признаки хищения, кровожадности и назойливости, например: *Недаром лоббистов называли слепнями, вьющимися над быком, без которых тот и пашет вяло, и тупеет на глазах. А почему многие из политиков и чиновников — лоббисты? А потому, что все мы, включая весь цивилизованный мир, давно существуем в реалиях политического рынка, где политики — такой же товар, как и любая система идеологии* (Аргументы и Факты; 05.05.2010).

Один из обитателей политического инсектария – *таракан* – традиционно характеризуется совокупностью негативных оценок, обусловленных связью насекомого с бытовой грязью, мусором, пищевыми отходами, которые сосредоточены в местах скопления мусора, например:

Политические тараканы с жуткими аббревиатурами типа МРП-ПДП, РКП-КПСС, ВКП(б), РПДП(б), ДРП(м), КПТП и КРДМС гордо объявляли себя истинными пролетариями, клеймили прочих мелкобуржуазными уклонистами, а потом тихо отправлялись на политическую помойку (Наша Версия на Неве (16.03.2009).

Образ *вшей* и *клопов* напрямую связан с телесной нечистотой. Эти насекомые паразитируют на теле человека, высасывая кровь и распространяя болезни, например: *Демократические фракции – это кусок мыла. Без них тело парламента покрывается грязью, вшами и дурно воняет* (АиФ; 13.12.2006); *Известная своей открытостью и прямоотой Л. Слиска не побоялась обсудить случившееся с корреспондентом «АиФ». Засранцы они, – охарактеризовала она нацболов. – Да мало ли у нас еще таких клопов вонючих? У них одна цель – повонять и уйти», – презрительно бросила г-жа Слиска, вселяя уверенность в то, что «клопов» скоро повыведут* (АиФ; 05.01.2004). Расчеловечивание образа политических акторов усиливается одорически значимым

¹⁵ Вознесенская М. М. Муха под микроскопом русской литературы (Достоевский vs. Толстой, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Гончаров) / М. М. Вознесенская // Коммуникативные исследования. – 2021. – Т. 8, № 4. – С. 837.

компонентом: клоп имеет неприятный запах, наличие которого чаще всего фиксирует отклонение от нормы.

Метафорические употребления слова *блоха* основаны на актуализации признаков 'малый размер', 'дробность'. По отношению к образу политика и его деятельности актуальные семы переходят в класс коннотативных признаков 'ничтожность', 'незначительность', 'множественность' и 'нечистота', например: *А Россия стоит на месте. Политика утрачивает масштаб. У нас даже не политический базар, а политический блошинный рынок. Не знаю, беспокоят ли расплодившиеся на всех уровнях власти политические блохи Владимира Владимировича? Судя по последним мерам в кадровой политике – стали беспокоить. Беспокоят они и россиян* (АиФ; 28.08.2013).

Мотив внутренней грязи аморальной политической среды, имеющей нечеловеческий облик, эксплицируется насекомыми-паразитами, например: *Это все книги, стреляющие по врагам Отечества, по лицемерам-карьеристам, в свое время присосавшимся к компартии и воспевавшим все деяния всех, кто наверху, во имя корыстных интересов. По тем, чья мораль как у моли или вши: «Плевать, что это шапка самого Мономаха! Сожрем!»* (Патриот; 17.05.2007).

Конститутивную особенность всей зоосемантики данного кластера составляет аксиологическая составляющая. Оценочные ниши со знаком «минус» заняли животные, дискредитирующие сущность государственной власти. Бестиарные моменты безнравственного поведения политиков на основе прямых ассоциаций с грязью (например, метафорический образ свиньи) не всегда главные в семиотике представленного зоомира. Так, в сближении масштаба мира насекомых и политиков концептуализируется ничтожность и незначительность партийной деятельности, которая обесценивает политическую жизнь. Метафоризация основана на широком спектре объективных аналогий действий и характеристик политических акторов и повадок и поведения животных. Метафорическая интерпретация обычно опирается на представления, сложившиеся в русской культуре. Бестиарное метафорическое уподобление напоминает мозаичную картину, в которую каждый из представителей животного мира вносит свою лепту, тем самым создавая комплексный портрет современного политика, очерчивающий многомерность его морально-нравственного падения. Фразеологический материал поддерживает метафорический перенос, направленный на характеристику человека политического с точки зрения морально-нравственной системы координат.

Завершая анализ выделенных сегментов метафорического поля *грязи* в политическом дискурсе, еще раз подчеркнем, что концептуальная метафора – принципиально открытая и динамическая система. Когнитивная метафора *политика – это грязь*, являясь базовой метафорической моделью, демонстрирует широкий спектр возможного метафорического развертывания. Предложенная схема кластерного представления материала характеризуется единством тематической соотносительности значений, ассоциативных уподоблений, являющихся языковой репрезентацией соотношения понятийных сфер, объединенных общей сакрализацией низкого, нечистого, перенесенного в морально-нравственную сферу, в область морально-нравственного разложения.

Анализ метафорических интерпретаций *грязи* как когнитивного нарушения допускает бесконечные понятийные расширения. Любое нарушение культурных кодов мы можем отнести к феномену грязного. Так, концептуальная оппозиция *чистота / грязь* транспонируется в сферу религиозной морали, в духовно-этическое: *святость / грех*. Локусами *грязи* может быть тело человека, и тогда *грязь* как результат загрязнения концептуализируется в виде политической нечистоплотности, грязных рук политиков, грязного белья, в котором можно рыться. Локусом *грязи* может быть дом человека, где грязным местом (по сравнению с остальными помещениями) является кухня, переносное

употребление которой в политическом контексте также является отрицательно заряженной метафорой.

Еще одно концептуальное развертывание базовой метафоры – это линия *болезни, заразы* и *микробов* как ее разносчиков, *гноя* как как продукта выделения при воспалении живого организма, *гнили* и *плесени* как продуктов разложения. Класс гадов (*змей, гадюк* и других рептилий) можно присоединить к политическому бестиарию. К разряду вредного и ненужного стоит отнести объекты растительного мира – *сорняки*.

Отсылка через любой компонент метафорического уподобления ко всему ассоциативному полю базовой метафоры показывает глубинную сложность организации когнитивной метафоры. Способность метафоры пересекаться с когнитивно смежными сферами говорит о принципиальной открытости когнитивно-фреймовой структуры концепта.

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК и Аттестационным советом УрФУ:

1. Яо Цзясяюй. *Политика – это грязь*: множественность упаковки концептуальной метафоры / И. Т. Вепрева, Яо Цзясяюй // Когнитивные исследования языка. – Тамбов : РАЛК. – 2020. – № 2 (41). – С. 523–527; (0,31 / 0,14 печ.л.).

2. Яо Цзясяюй. Кластер *МУСОР*: родо-видовая организация когнитивного сегмента базовой метафоры *ГРЯЗЬ* в политическом дискурсе / Яо Цзясяюй // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота. – 2022. – №5. – С. 1428–1433; (0,6 печ.л.).

3. Яо Цзясяюй. Метафора *грязи* в политическом дискурсе: фреймо-слотовая структура / Яо Цзясяюй // Политическая лингвистика. – 2022. – №2 – С. 212–218; (0,9 печ.л.).

Другие публикации:

4. Яо Цзясяюй. Функционирование фразеологических единиц с зоокомпонентом в политической сфере (на материале современных СМИ) / Яо Цзясяюй // Молодые голоса : сб. тр. / Под ред. И. В. Шалиной. – Екатеринбург : Издательский Дом «Ажур». – 2019. – С. 80–90; (0,5 печ.л.).

5. Яо Цзясяюй. Аксиологическое пространство фразеологических единиц с компонентом *грязь* / Яо Цзясяюй // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. Тез. докл. Междунар. науч. семинара / Под ред. Ю. Н. Михайловой. – Екатеринбург : Издательский Дом «Ажур». – 2020. – С. 71–72; (0,05 печ.л.).

6. Аксиологический потенциал концептуальной метафоры в публицистическом дискурсе / Яо Цзясяюй // Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации : 4-й молодежный конвент УрФУ : мат-лы междунар. конф. 26 марта 2020 года. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. – 2020. – С. 531–532. Текст : электронный; (0,08 печ.л.).

7. Яо Цзясяюй. Синонимический ряд лексемы *грязь* в текстовых преобразованиях концептуальной метафоры *политика – это грязь* / Яо Цзясяюй // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: традиции и инновации : сб. ст. XVIII Всероссийской науч.-практ. конф. молодых ученых с международным участием. Москва, РУДН, 17 апреля 2020 г. – Москва : РУДН. – 2020. С. 239–243; (0,17 печ.л.).

8. Какая она, политическая *грязь*: к вопросу о когнитивной структуре концептуальной метафоры / Яо Цзясяюй // Мат-лы Междунар. молодежного научного

форума «Ломоносов-2020» [Электронный ресурс] / Отв.ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. – Электрон. текстовые дан. (1500 Мб.). – Москва : МАКС Пресс. – 2020. – Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/index.htm, свободный – Мат-лы Междунар. молодежного научного форума «Ломоносов-2020»; (0, 12 печ.л.).

9. Яо Цзясуй. Политическая система и ее составляющие: к проблеме изучения политической коммуникации / Яо Цзясуй // Молодые голоса: сб. ст. Вып. 9 / Под ред. И. В. Шалиной. – Екатеринбург. – 2020. – С. 111–118; (0,5 печ.л.).

10. Яо Цзясуй. Развертывание метафоры *политика – это грязь* в публицистическом тексте (к вопросу о безнравственном поведении политиков) / Яо Цзясуй // Мат-лы Междунар. молодежного научного форума «Ломоносов-2021» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, Е. И. Зимакова. [Электронный ресурс] – Москва : МАКС Пресс. – 2021 (0,14 печ.л.).

11. Яо Цзясуй. Метафоризация как выражение оценки общественно-политической деятельности / Яо Цзясуй // Трансформация реальности: стратегии и практики : 5-й молодежный конвент УрФУ : мат-лы междунаро. конф. 25–27 марта 2021 года. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. – 2021. – С. 392–394. Текст : электронный; (0,08 печ.л.).

12. Яо Цзясуй. Анализ лексем *грязный* и *чистый* по данным словарей русского языка / Яо Цзясуй // Слово. Словарь. Словесность: Выдающиеся имена Герценовской русистики : Сборник научных статей / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург : Издательские решения. – 2021. – С. 146–152; (0,25 печ.л.).

13. Яо Цзясуй. Политическая безнравственность в метафорическом измерении / И. Т. Вепрева, Яо Цзясуй // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 27 апреля 2021 г.). – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур». – 2021. – С. 24–25; (0,06 / 0,05 печ.л.).

14. Яо Цзясуй. Инсектные мотивы в политической метафоре: аксиологический аспект / Яо Цзясуй // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 27–28 апреля 2022 г.). – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур». – 2022. – С. 104–105; (0,06 печ.л.).

15. Яо Цзясуй. Зоометафоры в российском политическом дискурсе, связанные с топосами *грязи* и *мусора* / И. Т. Вепрева, Яо Цзясуй // Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы. – Иран. – 2023. – Т.11, №1. – С. 31–50; (0, 5 / 0,4 печ.л.).

16. Яо Цзясуй. Зоометафоры в российском политическом дискурсе, связанные с топосами *грязи* и *мусора* / Яо Цзясуй, И. Т. Вепрева // Русский язык и литература в современном мире: проблемы и перспективы : тез. докл. Третьего междунар. форума Иранской ассоциации русского языка и литературы (ИАРЯЛ) (Тегеран, 25–26 февраля 2023 г.). – Тегеран : Изд-во Кетабнаме; Тип. и изд. Тегер. ун-та. – 2023. – С. 52; (0,06 печ.л.).